

Горы

Мне кажется кощунством альпинизм,
Тем более — канатные дороги.
Все восхождения — лишь полдороги вниз,
А горы ведь по сути — недотроги.

Никто еще вершин не покорил.
Хоть был, намусорил и даже флаг оставил.
Но сколько там разбросано могил
Тех, кто на карту гордости поставил.

Зачем? Смешные гордецы.
Там нет вам места, там селенье духа.
Как в ризах белых Чистоты отцы —
Вершины обостряют чуткость уха

На сердца неземного вещей стук
И музыки несуетной аккорды.
Да, горы — это воплощенный дух,
Природный храм — вот что такое горы.

На горы глядя только снизу ввысь
Мы обретаем их благословение —
Не покорять, а духом вознестись
И вровень стать хотя бы на мгновение.

Похолодание в Артеке

Похолодало. Запахи исчезли,
И Адалары щерят зубы в два оскала.
А море на ветру в сырой одежде
Простуженно чихает прямо в скалы.
Нам кажется его простор безбрежным,
Но видно по всему — ему простора мало.

Иначе выпрямило б спину горизонта.
Не может. Тесно. Нервно бьется в стены
Бетонно-каменных громад сплошного фронта.
Земная суша морю — как измена.

Душа моря

Как не поверить, что у моря есть душа?
Вон горизонт как след карандаша
Иссиня-синего прогнулся от напора
Мятежных сил бурлящего простора.

Доселе не смирился Посейдон
И не простил Земле рожденья суши,
Грудастые холмы под ласками ветров
И горные хребты, где спят бесстыдно тучи —

Предательницы седовласых волн,
С собой морскую влагу увлекая,
Несут ее в края зеленых дол —
Благоуханны края земного Рая.

И море злится, дыбится, рычит,
Бросается тигрицею на сушу,
То, притаившись тихо, копит динамит,
То, устыдившись, как-то кротко смотрит в душу.

Голубоглазое, смиренное, родное,
Мне так и хочется дотронуться рукою
До этих волн, а лучше — с головой
Нырнуть и вынырнуть с очищенной душой.

Интерпретации

Нет фактов достоверных и упрямых.
Чей шип острее — у розы или акации?
Упрямы **мы**. Стоим, как Фудзияма
На острове своих интерпретаций.

Свет истин нами редко замечаем.
Ему замена — блески номинаций.
Шум моря тонет в криках наглых чаек,
А истина — в вине интерпретаций.

Нам правда — чтоб на теле рвать сорочку.
Мы с правдою честны, как папарацци.
Свою же правду, искренности дочку,
Третируем бичом интерпретаций.

Великое на сцену, как на плаху,
Ведем, да ужаснется друг Горацио,
Ниспосланное гением с размаху
Счет топор лихих интерпретаций.

И жизнь свою, немного и немало
Лукавству отдавая провокаций,
Мы радуемся, как корабль причалу,
Уютной лжи ее интерпретаций.

* * *

Не отнимай от рук моих ладони,
Едва согрев, не отнимай уста.
Пусть этот свод небесный нас запомнит,
Запечатлит на вечности холстах.

Пускай родены тех тысячелетий,
Что где-то из туманностей грядут,
Увидят нас и радостно, как дети,
В металлах неизвестных отольют.

Таких, что сохраняют ток волнения
И чувственности трепетную дрожь,
И тексты на губах стихотворений,
Что мы с тобой читали в эту ночь.

Поймут ли что потомки в этих текстах?
Какая разница, забота ли о том?
Когда восходит сладостное тесто,
Потомков оставляют на потом.

Освящены ночными небесами,
Творим обряд, согласный с тишиной.
Весь мир сейчас — лишь то, что между нами.
Вселенная — лишь то, что мы с тобой.

Киев

